

● ● ●
Мир состоит из маленьких вещей,
из пропасти занятных мелочей:
крупниц, песчинок, зёрнышек, пылинок,
и росных капель, и тугих былинок;
из тех кровинок, что мой нос пролил,
когда с соседом парту я делил;
из юрких, будто ящери, минут,
которые сквозь пальцы прошмыгнут.

● ● ●
Облетает яблоневого цвет.
Вянет одуванчиков букет,
спозаранку собранный мальчишкой.
..А вчера про смерть попало в книжке:
как поверишь, если смерти нет,
если на дворе—звенящий полдень,
а в плетёнке—банка молока,
если дед тебя на плечи поднял,
и хохочешь прямо в облака,
если бабушка сварила кашу
и в окошко кличет на обед,
а на лето вновь приедет Маша?..
Облетает яблоневого цвет.

● ● ●
Проснулся, и сердце болит,
не за себя—за других,
и плачу, не зная молитв,
и ветер в деревьях тугих,
и снегом засыпан двор
по самое не могу,
и кровоточит «ворд»,
когда по нему бегу.
Жена и сынишка спят,
не помня своих обид,
и ангелы их хранят.
О чём же сердце скулит?..

● ● ●
Собирали с бабушкой цветы,
проводжали солнце золотое—
эта память дорогого стоит:
посреди житейской темноты
осторожным лучиком ведёт,
не даёт душе осатаниться;
как же страшно, если пропадёт
бытия начальная страница!..
— Часики,— гвоздику назвала,
и кипрей Иваном окрестила.
На руки, сердечная, взяла.
Ласточкой на волю отпустила.

● ● ●
Вспоминаю до сих пор:
вышел маленький во двор—
и в глазах от солнца змейки,
а старухи на скамейке
деревенскую поют,
мне конфеты подают.
И у самой старой прялка
потемневшая в руках.
Мне старуху эту жалко—
нить выходит в узелках.

Кабы знать, что это значит,
кабы ведать наперёд,
почему окошко плачет
и картошка не цветёт!
..Врут проклятые приметы,
и поэты тоже врут,
что России больше нету,
что старухи перемрут,
детство сладкое растает,
утечёт в мирской бардак..
Вьётся, вьётся нить простая
и не кончится никак.

● ● ●
Вспоминаю свой весёлый дворик,
карусели вечное вращенье...
Не опишет ни один историк
родниковой тайны возвращенья.

Через годы—к солнечным истокам,
к «ножичкам» и пряткам у сарая.
И соседи выглянут из окон,
будто их вернёт земля сырая.

В памяти, как в стёклышке заветном,
зеленой трава и небо выше.
Тридцати с лишком—четырёхлетним
я сегодня на прогулку вышел.

● ● ●
Ходики, а рядом—календарь:
мишка забирается на ёлку.
Дедушка читает «Комсомолку».
Я пытаюсь одолеть букварь:
—Ива, искра, иволга, иголка...
Спрячу за диван—и вся недолга!
Будущее—данность, а не дар,—
думал я. Исеть впадает в Волгу.
Не заметил—опустилась гиря,
и медведя сняли со стены...

И чужие люди в той квартире,
и на картах нет родной страны.

● ● ●
Сентября печальное тепло
через край небесный потекло,
и живу, согретый только им—
неземным дыханием Твоим.
Однодневкой-бабочкой кружусь—
ни на что я больше не гожусь.
Принимаю как последний дар
слова настоявшийся нектар,
и гудит хмельная голова...

А наутро—снег и минус два.

● ● ●
Холодную вишню снимаю,
сминаю сухое былё,
и ветка маячит немая:
кончается лето твоё.

Такое в саду запустенье,
что впору сказать: забытьё,—
и клонятся долу растенья:
отмерено время твоё.

Победою мнил поражение,
а правдой—слепое враньё,
но в блюдце сияет варенье.
Не вечно и горе твоё.